

«НЕХАЙ ЖЕ МОСКВИЧИ К ПРОВИНЦИЯМ СУРОВЫ...»: ОБРАЗ КРЕМЕНЧУГА В ТРАВЕЛОГЕ И. М. ДОЛГОРУКОГО

С. С. Жданов

*Доктор филологических наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет,
пр-т Карла Маркса, 20, 630073, г. Новосибирск, Россия,
Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
ул. Плехотного, 10, 630108, г. Новосибирск, Россия, fstud2008@yandex.ru*

Рассмотрено изображение Кременчуга в травелоге И. М. Долгорукого «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» как варианта репрезентации пространства Малороссии. Созданный автором образ сопоставлен с другими образами этого города в русской путевой литературе начала XIX века. По сравнению с последними репрезентациями Кременчуга у Долгорукого отличается подробностью и экспрессивностью и представляет собой амбивалентное пространство, которое имеет идиллические и энтропийные черты. При этом образ уездного города противопоставлен образу губернской Полтавы, которую Кременчуг превосходит по степени идиллической упорядоченности, и в то же время связан с пространством Петербурга и Москвы, что обуславливает травестийную игру смыслов в рамках оппозиции «провинциальность – столичность».

Ключевые слова: пространство; травелог; И. М. Долгорукий; Украина; Малороссия; Кременчуг.

«НЕХАЙ ЖЕ МОСКВИЧИ К ПРОВИНЦИЯМ СУРОВЫ...»: ВОБРАЗ КРАМЯНЧУГА Ў ТРАВЯЛОГУ І. М. ДАЎГАРУКАГА

С. С. Жданаў

*Доктар філалагічных навук, дацэнт,
Новасібірскі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт,
пр-т Карла Маркса, 20, 630073, г. Новасібірск, Расія,
Сібірскі дзяржаўны ўніверсітэт геасістэм і тэхналогій,
вул. Плэхотнага, 10, 630108, г. Новасібірск, Расія, fstud2008@yandex.ru*

Разгледжана выява Крамянчуга ў травялогу І. М. Даўгарукага «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года» як варыянту рэпрэзентацыі прасторы Маларосіі. Створаны аўтарам вобраз супастаўлены з іншымі вобразамі гэтага горада ў рускай падарожнай літаратуры пачатку XIX стагоддзя. У параўнанні з апошнімі рэпрэзентацыяй Крамянчуга Даўгарукага адрозніваецца падрабязнасцю і экспрэсіўнасцю і ўяўляе сабой амбівалентную прастору, якая мае ідылічныя і энтрапічныя рысы. Пры гэтым вобраз павятовага горада супрацьпастаўлены вобразу губернскай Палтавы, якую Крамянчуг пераўзыходзіць па ступені ідылічнай спарадкаванасці, і ў той жа час звязаны з прасторай Пецярбурга і Масквы, што абумоўлівае травесційную гульню сэнсаў у рамках апазіцыі «правінцыйнасць – сталічнасць».

Ключавыя словы: прастора; травялог; І. М. Даўгарука; Украіна; Маларосія; Крамянчуг.

**«LET MUSCOVITES BE HARSH TO PROVINCES...»: THE IMAGE OF
KREMENCHUG IN THE TRAVELOGUE
BY I. M. DOLGORUKY**

S. S. Zhdanov

*Hab. PhD, Ass. Professor,
Novosibirsk State Technical University,
20 Karl Marx Avenue, 630073, Novosibirsk, Russia,
Siberian State University of Geosystems and Technologies,
10 Plakhotny Street, 630108, Novosibirsk, Russia, fstud2008@yandex.ru*

The paper deals with description of Kremenchug in I. M. Dolgoruky's travelogue «Far-off bells always ring sweet, or my journey somewhere in 1810» as a variant of representing the Little Russia space. The image created by the author is compared with other images of this town in Russian travel literature of the early 19th century. Compared with the latter, Dolgoruky's representation of Kremenchug is distinguished by detail and expressiveness and represents an ambivalent space that has idyllic and entropic features. In addition, the image of the county town is contrasted with the image of the gubernial Poltava, which Kremenchug surpasses in terms of idyllic order, and at the same time is connected with the space of St. Petersburg and Moscow, which determines the travesty game of meanings within the opposition «provinciality – metropolitanness».

Keywords: space; travelogue; I. M. Dolgoruky; Ukraine; Little Russia; Kremenchug.

Образы Украины, представленные в литературных текстах, в том числе в отечественных травелогах XIX в., не раз привлекали внимание филологов и историков, примерами чему являются работы И. Булкиной [1], А. В. Марчукова [2], Т. А. Васильевой [3], Д. В. Шаталова [4], С. О. Курьянова [5], С. С. Белякова [6]. Среди прочих источников авторы обращались и к путевой прозе И. М. Долгорукого, в частности, к его тексту «Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года». Но анализ данного травелога носил фрагментарный характер, не затрагивал по большей части проблематику малороссийского пространства и не касался образа провинциального Кременчуга, который составляет объект исследования данной статьи с точки зрения литературоведческой имагологии как дисциплины, занимающейся образностью Чужого. Между тем репрезентация пространства Кременчуга в тексте Долгорукого достаточно показательна, что позволяет выявить как индивидуально-авторские, так и некие общие черты описания малороссийской образности в русской литературе начала XIX в.

Следует также отметить, что Кременчуг лежал в стороне от основных маршрутов авторов русских травелогов рубежа XVIII–XIX вв., упоминавших данный топос лишь эпизодически. Так, П. И. Сумароков в первом своем «украинском» травелоге пишет в рамках новониколаевского пространства о некоем «Молдаванском доме, который для покойного Князя Потемкина привезен был из Кременчуга по почте» [7,

с. 14] (*здесь и далее орфография и пунктуация источников приближены к современным – авт.*). Во втором же сумароковском тексте Кременчуг выступает как центр лиминальной Новороссии конца XVIII столетия: «Новороссийская и Азовская канцелярии перевелись в Полтаву, а оттуда в Кременчуг, где оные... составили в 1784 году из соединения двух своих губерний новое Екатеринославское наместничество, и Кременчуг учрежден ему столицею» [8, с. 69]. В травелоге же А. И. Левшина упомянуты «песчаные мели» около Кременчуга [9, с. 202] как пространство, подлежащее упорядочиванию в проектном хронотопе Малороссии будущего. Исключение, помимо анализируемого здесь текста Долгорукого, составляет травелог В. В. Измайлова, который посетил этот город и составил его описание в Письме XLVII. Измайловская репрезентация Кременчуга отличается лаконичностью и негативизмом, маркированными энтропийностью мотивами бедности и визуальной непривлекательности: «нет в нем еще порядочных строений» [10, с. 264]. Антропная составляющая образа города также охарактеризована негативной маргинальностью в прошлом и настоящем: «В сем городе было убежище, где прежде укрывались несчастные, беглецы, праздношатающиеся» [10, с. 264]; «каждый с такою физиономией... , что вы читаете в душе человека – и ужасаетесь. Кажется, что вы везде окружены уродами моральной природы» [10, с. 265]. К относительно нейтральным свойствам кременчугского пространства можно отнести ровность и песчаность («стоит на реке Днепре, на ровном и песчаном месте»), а также новизну («город, недавно построенный [10, с. 264]), что примечательно игнорирует его историческое прошлое. В качестве позитивной черты отмечена регулярность городской постройки: «все достоинство его состоит в том, что все домики вытянуты по линии» [10, с. 264].

В отличии от измайловского травелога образ Кременчуга у Долгорукого гораздо более позитивен, хотя и не лишен амбивалентности и даже трагедийности. Так, аналогично левшинскому тексту, песчаность топоса подана как недостаток, вредящий, однако, не торговле, а удобству жизни и визуальной привлекательности города: «Под городом проехать надобно несколько верст отяготительных песков; избежать их нельзя» [11, с. 93]. «Он на таких сидит песках, что от пыли ни в одном доме нет убежища. Беспокойное положение!»; «Днепр имел бы вид величавый и прекрасный, если бы не пресекался мелями песчаными и островками так, что глаза нигде не видят большого пространства воды без помехи» [11, с. 93]. Малороссийская провинциальность актуализирована в описании большинства городских домов, которые «низки и принадлежат к мазанкам» [11, с. 94].

Но многие городские локусы охарактеризованы положительно, причем репрезентация Кременчуга, по сути, выстроена как антитеза изображения соседней Полтавы. Несмотря на более низкий статус первого (уездный город), современная автору губернская Полтава проигрывает Кременчугу. В характеристике Полтавы превалирует энтропийность, заданная мотивами бедности, непривлекательности, грязи, скуки, неудобства, что объясняется нарратором невыгодным географическим положением топоса, несущим ущерб экономике: «сделать город красивым, знатным – одна сильна торговля, а здесь какой ей быть? Река весьма неважная; край бедный и степной» [11, с. 65]. Кременчуг же маркирован мотивами визуальной привлекательности и богатства: «Днепр дает ему и красоту, и пользу. Город торговый: куда ни пойдешь, везде сыщешь следы довольства, которое доставляет разумная промышленность» [11, с. 93]. Эту разницу как

оппозицию «деревянность – каменность», «малость – огромность», «бедность – богатство» демонстрируют локусы торговли: «Гостиный двор деревянный и в самом жалком состоянии; лавки ниже тех, в коих книгами Церковными торгуют в Москве на Спасском мосту; <...> товару мало и все неважный» [11, с. 67] (Полтава); «Ряды каменные огромны; погребов множество и за хорошие деньги можно выпить рюмку цельного вина» [11, с. 93] (Кременчуг). Неудобство Полтавы проявляется и в отсутствии в продаже продуктов: «Про себя все запасено, но для заезжего в городе нет ничего, даже за деньги. <...> Говядины нет, потому что волы на работу надобны, и их не бьют; телят нет, для того что они будут волы со временем, и их кормят и возвращают; сливок нет, для того что теленок выпивает всю добычу своей матки; хлеба нет, за тем что пшеницу возят в Одессу и грузят на корабли. Вот обстоятельства гостиного желудка в Малороссии!» [11, с. 87–88]. В Кременчуге же локус трактира отмечен положительно: «Трактирщик городской кормит очень хорошо» [11, с. 93–94]. Торговость последнего города как медиационного пространства между условными Севером (Белоруссией) и Югом (Крымом) акцентирована мотивами движения и наполненности пространства (судами, людьми): «Края его наполнены судами. Вся Белоруссия сгоняет по нему лес и уголья в степи и полуостров Крым, а оттуда вверх отправляется соль. Народу много: он весь в движении» [11, с. 93]. Промышленный характер Кременчуга также выражен в локусах кузен, каретных сараев («Вы найдете сот до двух кузнецов и каретные добрые сараи, где не только всякую повозку, но даже и новую карету на иностранный образец отделают» [11, с. 94]) и каменоломен (полтавский монумент победе Петра над шведами «основан на широком помосте из добываемого вблизи Кременчуга в слободке, именуемой Келеберда, дикого камня, который в отделке так хорош, что не уступает настоящему порфиру; гранит Петербургской, употребленный на Казанский собор, менее его цены и красоты имеет» [11, с. 69]; «Берега реки и самое ложе ее каменисто. Здесь добывается самый твердый камень, наподобие гранита, и хотя меньшей красоты, но того же рода» [11, с. 93]). Эти локусы подчеркивают необычность/непровинциальность города, сравниваемого с западными (образ «кареты на иностранный образец») и столичными (образ хорошего в отделке «дикого камня») эталонами. Кроме того, если описание полтавской суконной фабрики в основном негативно, то репрезентация такой же фабрики в Кременчуге дано нарратором нейтрально. Оппозиция «энтропийность – упорядоченность» актуализирована и в репрезентации локусов богоугодных заведений. О полтавских автор заявляет, что «желал бы их похвалить, но льстить» не умеет [11, с. 80]. В Кременчуге же «богоугодные заведения справедливой похвалы достойны» [11, с. 94]. Последние охарактеризованы мотивами удобства, чистоты: «Они, как и в Полтаве, в общем доме. Но какая разница в помещении! <...> Кухня, прачечная, бани, все в наилучшем порядке. Больные пользуются самым чистым воздухом» [11, с. 94].

Если главная площадь Полтавы охарактеризована амбивалентно: наряду с маркированными привлекательностью образами домов отмечается маргинальное местоположение локуса – в степи, на отшибе города («Князь Куракин <...> Прирезал к городу кусок большой степи и образовал площадь. Она... как особое что-то, пришта к городу, и тем делает старинную Полтаву еще хуже; ибо округлость ее весьма великолепна» [11,

с. 68]), то репрезентация субблокусов центральной площади Кременчуга характеризуется безусловной положительностью, привлекательностью: «Магистрат и Дума представляют одно из лучших строений в городе; на нем бельведер; <...> вид во все стороны прекрасный. <...> Собор заслуживает пристальный взгляд. <...> фасад его отличается вкусом, и он чрезмерно красит Александровскую площадь» [11, с. 94].

Кроме того, противопоставление Полтавы и Кременчуга актуализировано как оппозиция «скука – веселье». Первый топос маркирован мотивами отсутствия увеселений, роскоши, а также закрытости/уединенности: «Публика уединенна и вообще нисколько не любит шумных увеселений. <...> Нет вкуса к удовольствиям роскошным, все скупое и каждый сжат в доме своем, как в скорлупе» [11, с. 87]. Описание Кременчуга отмечено мотивами веселья, в частности, в локусе кременчугского клуба, охарактеризованного позитивными мотивами просторности, опрятности, освещенности, наполненности людьми: «Клуб содержится здесь в большом и опрятном доме. Залы освещены очень хорошо; собрание, по летнему времени, довольно людное, но в комнатах не тесно...» [11, с. 92].

Впрочем, в репрезентации светской жизни Кременчуга нарратор все же обращается к травестизации пространства, которая, однако, представлена гораздо слабее, чем в описании Полтавы. Основой этой травестии выступает маркирование кременчугского пространства веселья как провинциального, нестоличного: «В Москве клуб пропустить не беда; можно в другой попасть: их много; <...> но в Кременчуге бала во всю жизнь, может быть, не увидишь, если поленишься завернуть в него мимоездом» [11, с. 92]. Соответственно, пространство веселящегося Кременчуг становится своего рода "кривым зеркалом", или эрзацем пространства Москвы, что ярче всего выражено в стихотворном фрагменте: «Вкус роскоши у нас подействовал на всех; богач в Кременчуге на ярмарке стремится таких же, как в Москве, добыть себе утех. Ему знакомы все столичные названья; редут и летний сад то там, то сям, торчит» [11, с. 97–98]. Травестия затрагивает образы и играющего в провинциальном клубе оркестра («музыка... – хвастать нечем, <...> но... было бы весело» [11, с. 92]), и – в большей мере – провинциального, приехавшего на гастроли полтавского театра-«сарая», в котором «богач» «из чванства, без желанья» «комедию глядит» [11, с. 98]. Данный локус изображен наиболее иронически и маркирован мотивами непорядка, вавилонского смешения языков, неудобства: «Двух актеров нет, которые бы одним наречием говорили: <...> – смешение языков! <...> Что за актрисы! Какое платьишко! Какие телодвижения! <...> Духота была страшная, воздух мефитический...» [11, с. 96]. Этому травестийному веселью противопоставлена сцена фейерверка на берегу Днепра как облагороженной природы в духе сентиментализма, что венчается упоминанием квинтэссенции идиллического хронотопа – образом «золотого века», который – пусть и в травестийной огласовке – частично снимает противостояние пространств в рамках оппозиции «Москва – провинция»: «гордый Днепр свет лунный отражает, и кажет путь плотам, плывущим в чудный Крым <...> Тут музыка зараз и певчие готовы, молоденьких девиц, как пчел, кружится рой. Нехай же Москвичи к провинциям суровы: и в них по временам бывает век златой» [11, с. 98].

Вообще, демиприродные локусы Кременчуга описаны амбивалентно. С одной стороны, мы имеем дело с маркированной привлекательностью репрезентацией

идиллических окрестностей города: «Река хороша. <...> прекрасные виды со всех сторон. <...> Натура везде играет с новыми приятностями» [11, с. 91]. С другой стороны, в пейзажное описание «большого сада» Кременчуга внесен энтропийный мотив упадка, связанный с изменением локуса сада во времени – от великолепия екатерининской эпохи до скромной современности: «это роща, прочищенная дорожками, кои заросли и все место пришло в крайнее запустение. Тут некогда был дворец, в котором изволила останавливаться Екатерина; одна осталась каменная ограда, и та с трудом поддерживается экономическими крохами» [11, с. 95].

Итак, репрезентация Кременчуга у Долгорукого значительней по объему и экспрессивней по сравнению с образами этого города в иных русских травелогах начала XIX в. В контексте произведения она противопоставлена образу губернской Полтавы, который превосходит по степени упорядоченности, и в то же время связана с пространством Петербурга и Москвы, что порождает травестийную игру смыслов в рамках оппозиции «провинциальность – столичность», в частности, образ Кременчуга в качестве эрзаца Москвы. В целом репрезентация малороссийского города отмечена амбивалентностью, выраженной мотивами как идилличности (золотого века), визуальной привлекательности, удобства, веселья, богатства, относительно развитой торговли и промышленности, наполненности людьми, движением, так и упадка, неудобства и непривлекательности (в связи с локусами речных песков, сада и театра), причем позитивные черты в описании пространства Кременчуга явно превалируют над негативными.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII–XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>).

Библиографические ссылки

1. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: диссертация ... доктора философии по русской литературе. Тарту, 2010.
2. Марчуков А. В. Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М.: Регнум, 2011.
3. Васильева Т. А. У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века: диссертация ... кандидата филологических наук. Томск, 2014.
4. Шаталов Д. В. «Путевая литература» начала XIX в. и формирование историографического образа украинского казачества // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск: ОмГУ, 2014. С. 224–240.
5. Курьянов С. О. О русско-украинских литературных связях и об украинском тексте в русской литературе // Крымский гуманитарный вестник: сборник научных статей. Симферополь: ИП Минакир И. Л., 2018. С. 40–47.
6. Беляков С. С. Выйти из тени Мазепы: история создания книг «Тень Мазепы:

украинская нация в эпоху Гоголя» и «Весна народов: русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой» // Текст и традиция. 2020. Т. 8. С. 381–393.

7. *Сумароков П. И.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1800.

8. *Сумароков П. И.* Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. Ч. I. СПб.: Императорская типография, 1803.

9. *Левшин А. И.* Письма из Малороссии. Харьков: Университетская типография, 1816.

10. *Измайлов В. В.* Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым. Ч. I. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1800.

11. *Долгорукий И. М.* Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года. М.: Университетская типография (Катков и К^о), 1870.